

КоТИНРО – 1973–1980 гг.

1973 г. – Окончание Дальрыбвтуза и переезд из Владивостока в Петропавловск-Камчатский. Начало работы в КоТИНРО по авиаучету тихоокеанских лососей на нерестилищах.

1974 г. – Факультативные исследования по теме «Западнокамчатская сима», поиск архивных материалов. Выезд в марте на оз. Курильское для раскопок гнезд нерки и экспедиция на оз. Ульяновское. Посещение в июне оз. Курильского и оз. Этамынк для сбора материалов по молоди нерке. Авиаучетные работы в июле-ноябре (с посещением в начале сентября оз. Этамынк).

1975 г. – Выступление на конференции молодых ученых в ТИНРО с докладом по нерке оз. Курильского и Этамынк. Поездка (в мае-июле) на р. Утку с целью сбора материалов по западнокамчатской симе. Изменение научной темы «Западнокамчатская сима» на новую – «Нерка р. Камчатки». Первый приезд в пос. Усть-Камчатск и на оз. Азабачье. Экспедиция в бассейн оз. Нерпичьего. «Популяционная школа» С. М. Коновалова на биостанции «Радуга». Начало авиаучетных работ. Кратковременная заброска на оз. Двухюрточное. Изменение тематики работ: прекращение работы авианаблюдателем. Факультативная тема «Нерка р. Камчатки» становится основной.

1976–1977 гг. – Первая и вторая экспедиции с обловами производителей нерки и ее молоди по всему бассейну р. Камчатки.

1978 г. – Проведение биологических анализов нерки на Усть-Камчатском РКЗ. Работа в группе по оперативной регуляции промысла лососевых рыб р. Камчатки. Экспедиция по р. Камчатке по облову нагульных водоемов молоди нерки. Поездка на Первое международное совещание по биологии тихоокеанских лососей, проходившее в октябре в Южно-Сахалинске.

1979–1980 гг. – Биологические анализы нерки на Усть-Камчатском РКЗ. Участие в деятельности рабочей группы по оперативной регуляции промысла лососевых рыб р. Камчатки. Биологические анализы нерки на Усть-Камчатском РКЗ и кратковременные выезды на озера среднего и нижнего течения р. Камчатки. Первые удачные траления молоди нерки в бассейне оз. Азабачьего. Поездка в августе 1979 г. в Хабаровск на XIV Международный Тихоокеанский научный конгресс.

После окончания института мне полагался месячный отпуск перед началом работы. Отгуливать его не стал. 3 сентября уже находился в Петропавловске, а 5 сентября был принят на работу в КоТИНРО – в лабораторию динамики численности тихоокеанских лососей на должность младшего научного сотрудника.

Сферой предстоящей деятельности стал авиаучет лососей под началом старшего научного сотрудника А. Г. Остроумова. Через месяц приехал Володя Карпенко, которого определили в лабораторию морских исследований лососей, возглавляемую к. б. н. И. Б. Бирманом. Володе сразу же дали место в общежитии института по ул. Давыдова, 3.

Так как мой отец жил в Петропавловске, общежитие мне не дали. Я и не просил. Ведь меня брали в КоТИНРО с учетом, что не буду просить жилье. Для себя решил: самое главное – попасть в лабораторию лососевых рыб. И попал. О будущем не думал.

Отец в то время работал в должности старшего помощника прокурора Камчатской области. Его вторая жена – В. К. Шилкина занимала должность главного врача городской санэпидстанции. У них был сын – Сергей

(на 9 лет младше меня). Проживали они в двухкомнатной квартире по ул. Тельмана, 2. Естественно, жить у них я не мог. На это и не претендовал.

Через две недели после моего возвращения из первой командировки отец помог мне снять комнату за 30 рублей недалеко от его дома. В те времена квартиру или комнату снять было очень непросто, но мне повезло.

Хозяин комнаты пенсионер Владимир Ефимович (бывший капитан рыболовного судна) сошелся с женщиной и стал обитать у нее. В этой комнате я и прожил год.

Позже отец нашел мне еще комнату на 10-м километре у магазина «Дружба». Хозяйка этой квартиры Клавдия Ивановна знала отца раньше (они когда-то вместе работали в областном суде). Ее сын ходил в море, и комната пустовала. Там я прожил еще год. Уже собираясь съезжать с этой квартиры, познакомился с Татьяной Томчишиной (моей будущей женой).

Помню, что первым делом в отделе кадров КоТИНРО спросили прописку (сейчас это стали называть «регистрация»). Сказал, что она у меня будет. Валентина Константиновна со своими связями прописала по какому-то общежитию на ул. Ленинградской, 2. Так, с этой «липовой» пропиской просуществовал до 1977 г., пока мне при выписке пропуска во Владивосток в УВД не указали, что такого дома уже давно не существует. Следует срочно прописаться, чтобы не нарушать паспортный режим. Меня прописали в своей квартире родители жены Татьяны.

Многие годы всех сотрудников нашего института волновал «квартирный вопрос». В отличие от молодых специалистов (прописанных в общежитии или на наблюдательных пунктах), с которыми прибыл на работу в КоТИНРО, живших у родителей своих жен или мужей и получивших квартиры через 6–8 лет, я так и не получил квартиру.

Родители Татьяны осенью 1978 г. уехали с Камчатки на постоянное жительство на Украину, в Полтаву. Там у них имелась двухкомнатная кооперативная квартира. Нам оставили свою трехкомнатную «хрущевку». Она располагалась очень неудачно: темная и крайне шумная (вдоль основной дороги). Но на очередь меня не ставили, т. к. по нормам для постановки на очередь следовало иметь на человека 9,0 м² жилплощади, а у нас было по 9,2 м².

Только через 20 лет, мне, как ветерану производства, в целях улучшения жилищных условий дочери Юлии, работавшей лаборантом в КамчатНИРО, выделили однокомнатную квартиру в новом доме, построенном нашим институтом.

С разрешением приватизации жилья в конце 1995 г. мы продали свою квартиру и купили новую. Квартирный вопрос перестал существовать для нашей семьи только через 22 года после начала моей работы в КамчатНИРО.

В 1978 г. отец, доработав до пенсии, уехал с семьей в Литву, в Вильнюс, откуда Валентина Константиновна была родом. Свою камчатскую жилплощадь они поменяли на комнату в коммунальной квартире в Вильнюсе, где у них уже имелась двухкомнатная квартира, оставшаяся от родителей В. К.

С женой отца у меня сложились достаточно ровные отношения. Не существовало обиды ни на кого. В это время я уже понимал, что если людей посетила любовь, то здесь все бороться бессильны и препятствовать бесполезно. Никакие месткомы и парторганизации не помогут сохранить семью.

Отец умер в декабре 2000 г., а В. К. еще жива. С отцом мы регулярно переписывались. После его смерти я несколько раз писал в Вильнюс, но никто не ответил. Через 8 лет меня по Интернету отыскала Ирина Александровна Краус – внучка сестры моего отца – Марии Ивановны Столбер (1912 г. рождения), которая уже умерла. С Ириной Александровной, проживающей в Ямало-Ненецком АО, стали переписываться, как когда-то со своей сестрой всю жизнь поддерживал связь отец.

В начале работы мой оклад составлял 112 рублей 50 копеек, плюс коэффициент 1,6 и минус 25 % алиментов. На руки получал около 120 рублей, на которые должен был прокормиться и одеться. Денег не хватало.

Поэтому первые 2 года проводил в командировках по 6 месяцев, питаюсь на командировочные, которые платили по 3 рубля 12 копеек в сутки (когда в месяце 30 дней) и 3 рубля 2 копейки (когда в месяце 31 день). Бутылка водки 0,5 л на Камчатке в то время стоила 3 рубля 62 копейки.

Через 4 года заработал все надбавки. На руки после вычета алиментов стал получать около 170 рублей. Никогда не переживал, что плачу алименты. Воспринимал это как свершившийся факт.

Через 3 дня после устройства на работу в КоТИНРО начал летать на вертолете с А. Г. Остроумовым. Первый раз летали по Камчатке почти две недели (без возврата в Петропавловск).

Сразу же понял, что полеты – «не мое». Прежде всего это было связано с тем, что я плохо себя чувствовал – укачивало. Второе, учитель из А. Г. был нигудышний. Он не смог доходчиво объяснить, в каких местах русла реки надо смотреть рыбу.

В результате, я смотрел на центральную часть русел рек и рыбы почти не видел. Сыграло свою роль и то, что А. Г. за все годы наших совместных полетов не подпускал меня к «амбразуре» – окну вертолета, где было снято стекло (блистер). Без него рыба просматривалась гораздо лучше.

Как уже понимаю сейчас, А. Г. надо было устроить несколько тренировочных полетов на каком-то участке реки и летать до тех пор, пока я не увидел бы рыбу. После каждого пролета ему следовало объяснять: почему мне удалось увидеть только часть рыбы, а не всю. Я думаю, что здесь бы хватило нескольких часов.

Большим недостатком «курсов Остроумова» считаю то, что А. Г. с самого начала не постарался объяснить, какие перспективы ожидают недавнего студента в научной деятельности, и он не попытался вовлечь сразу же в какую-то совместную работу. Я являлся научным сотрудником, и для меня очень важны были возможности профессионального роста.

«Наученный» А. Г., спустя несколько лет я сделал свой первый, очень важный вывод из «курсов Остроумова» и всегда использовал его в своей дальнейшей исследовательской деятельности: общая работа людей скорее объединяет, чем разъединяет. Она позволяет поддерживать добрые отношения и даже иногда может примирить при размолвках. Бывает и такое.

Поэтому, если вы хотите с людьми в научно-исследовательских институтах работать долго или постоянно, или быстро выполнить значительный объем работ, предлагайте соавторство. Конечно, это не панацея от всего, но часто помогает.

Начав летать с А. Г., непрерывно думал о том, как собрать дополнительный материал по нерке бассейна оз. Курильского и опубликовать свою дипломную работу. В марте 1974 г., когда авиаучетные работы еще не начались, ездил на Озерновский наблюдательный пункт на 20 дней на «раскопки» гнезд нерки.

Самолеты из-за плохой погоды не летали 10 суток и только на 11-е сутки я смог улететь из Елизовского аэропорта в Озерную. Оттуда на лыжах добрался до Озерновского наблюдательного пункта (с одной ночевкой в землянке на берегу р. Озерной).

В том году оз. Курильское не замерзало, хотя кое-где и плавали крупные льдины в несколько сотен метров в длину и ширину. По оз. Курильскому с Александром Орлом (сыном С. Н. Орла) ездили на лодке «Казанке». В день раскапывали по одному гнезду, где учитывали процент погибшей икры и общее ее количество. Всего на разных нерестилищах вскрыли 12 гнезд.

Михаил Михайлович Селифонов участвовал в это время в Москве в работе Советско-Японской комиссии по рыболовству (СЯРК), а его супруга Маргарита Федоровна находилась на озере.

Селифоновы (у обоих это второй брак) общих детей не имели и удочерили из Дома малютки девочку Машу, которая тоже жила на озере. Ей тогда исполнилось три года.

Помимо раскопок, находясь на пункте, мне хотелось посетить оз. Этамьнк, расположенное в бассейне оз. Курильского, и поймать там молодь нерки. После окончания раскопок отправились вдвоем с Александром

на собачьей упряжке через перевал на вулкане Дикий Гребень на оз. Этамьнк. Карты у нас не имелось – из «секретной части» КоТИНРО ее не выдали.

Поднявшись на перевал, мы столкнулись с проблемой: как спустить нарту. Внизу находилось замерзшее озеро (мы думали, это оз. Этамьнк). Впереди предстоял спуск под углом 45° длиной около 200 м. Никакого объезда не имелось Александр предложил спустить собак отдельно, а самим съехать на нарте, как на санках, тормозя остолом. Слава богу, что этот вариант сразу отвергли.

Решили, что я спускаюсь на пятой точке с собаками (упираясь пятками в снег), а Александр спускает разгруженную нарту, сидя на снегу и также упираясь ногами. Часть снаряжения просто сбросили с перевала, и оно лежало уже внизу.

Спуск у Александра прошел благополучно. Затем стал спускаться я, держа постромки от упряжки. Подскользнулся. Полетел вниз. Вначале катился на спине вниз головой, затем меня стало бросать с ног на голову – полетел колесом. Помню, что после того, как упал к самому подножию склона, через секунду рядом упал клубок из 8 визжащих и лающих собак. В следующий момент увидел убегающую упряжку. Александру крикнул, что побежал за собаками.

Шел за ними около двух часов, пока не нашел зацепившимися постромками за куст ольхи. Привязал. Затем связал охাপку кедрача и прикрепил ее к постромкам вместо нарты. Собаки побежали назад по своим следам, волоча «нарту» из веток. Бежал рядом и я, а как только уставал, падал на кедрач. Собаки останавливались. К самому вечеру добрался до лагеря. Там уже стояла наша красная палатка. В ней горела печка. Александр сам вытолкал нарту с грузом на середину озера.

На следующее утро пилили бензопилой «Дружба» 80-сантиметровый лед. Прodelали восемь лунок и поставили сеть. Через ночь ее проверили. Она была вся утыкана двухгодовиками гольца. Молодь нерки отсутствовала.

Понял, что это не оз. Этамьнк, а оз. Ульяновское, расположенное рядом, где нерка не нерестится. Если бы у нас имелась карта, то такой ошибки мы бы не совершили.

Оперативно собравшись, поехали искать оз. Этамьнк. В конце дня выехали на край плато, где внизу уже точно находилось это озеро. Но никакого спуска с нашей стороны к нему не существовало. Подход к озеру был возможен только с другой стороны. Поняли, что мартовская поездка не удалась.

Заночевали в отрогах вулкана Дикий Гребень. Началась пурга, но в палатке от печки было тепло. Пили горячий сладкий чай. Степень комфорта находилась на пределе всех мечтаний. Ночью началось сильное землетрясение. В конце-концов уснули и проснулись на следующее утро. На улице светило солнце.

С нашей помощью на перевал собаки затащили пустую нарту. Потом мы два раза спускались за грузом. Поздно вечером добралась до пункта. Электрический свет не горел. Берегли топливо. Жили при керосиновых лампах.

В поездке я потерял темные очки и получил ожог глаз. Двое суток зрение было «не в резкости». Маргарита Федоровна начала ругаться, когда ей рассказали подробности поездки, а мне казалось, что она улыбается.

Вспоминается забавный случай, когда в конце марта – начале апреля, в солнечные дни М. Ф. после обеда раздевалась и в открытом купальнике ходила на лыжах за 1–2 километра от пункта загорать. Однажды неожиданно пошел снег, и очень смешно выглядело, как М. Ф. бежала на лыжах в купальнике в пургу к дому. На Камчатке, в районе Петропавловска, я видел весной много таких лыжников, бегущих в купальных костюмах под неожиданно налетевшим снегом.

Через несколько суток мы с Александром поехали на собаках в Озерную, откуда на рейсовом самолете я улел в Петропавловск.

К сожалению, как я считал в молодости, наша экспедиция на оз. Этамьнк была неудачной, т. к. без карты вместо него мы обследовали оз. Ульяновское. Сейчас же, много лет спустя, считаю эту экспедицию вполне успешной, т. к. свершилась первая попытка изучения ихтиофауны оз. Ульяновского. Больше там после нас никто таких попыток не предпринимал.

В июне 1974 г., до начала авиаучетов, я вновь попал на оз. Курильское. Вместе со студентами-практикантами А. Ф. Толстяком (Дальневосточный ГУ) и В. Н. Точилиным (Томский ГУ) ходил на оз. Этамьнк. Ставной

мальковой сетью поймали там молодь нерки. Эти сборы дополнил молодь, добытой через день в оз. Курильском.

С середины июля и по конец августа летал с А. Г. Остроумовым по всей Камчатке и Корякскому нагорью – от мыса Лопатки до мыса Олюторского. Побывал во многих населенных пунктах области и, самое главное, увидел многообразие и характер рек и озер этого региона нашей страны.

В начале сентября 1974 г., вместе с новым рабочим Озерновского пункта Анатолием Валентиновичем Кузюриным посетил оз. Этамынк и поймал там производителей нерки. Появился оригинальный реперный материал из оз. Этамынк, который позволил довести мою дипломную работу до первой научной статьи, опубликованной в 1976 г. в одном из изданий ТИНРО.

В августе 1974 г., во время авиаучетов, А. Г. Остроумов высадил меня на одну ночь на Ушковском рыбноводном заводе. Вертолет Ми-4 ночевал в Козыревске. Я ещё раз встретился с супругами Исаевыми. С тех пор у меня осталась фотография Любови Ивановны и Ильи Ивановича. Больше с ними никогда не виделся, т. к. в 1975 г. по достижении пенсионного возраста они уехали «на материк».

Следующим директором Ушковского рыбноводного завода стал Игорь Васильевич Котов. Куратор завода Г. Н. Рассохина сразу невзлюбила его. Вероятно, она привыкла к Исаевым и ревновала.

С Игорем Васильевичем у меня сразу же сложились хорошие отношения. В 1976–1978 гг., проезжая по р. Камчатке мимо Ушковского ЛРЗ, я всегда останавливался у него на ночевку.

Многие годы, до М. М. Селифонова, на Озерновском наблюдательном пункте работала Тамара Васильевна Егорова, которая более 20 лет изучала нерку р. Озерной.

Это была крупная, красивая, веселая и слегка взбалмошная женщина. К моему появлению на пункте она уже занималась биологией нерки и горбуши р. Большой. На всю жизнь у нас с ней сложились хорошие приятельские взаимоотношения. Т. В. олицетворяла живую легенду Курильского озера. В честь нее одну гору в районе озера жители даже стали называть «Томкина грудь», а точнее – «Томкина сиська».

Как в общих чертах рассказала Т. В., в 1960-х гг. она находилась в гражданских супружеских отношениях в Александром Алексеевичем Мусатовым, работавшим на пункте мотористом дори (деревянной шлюпки со стационарным мотором). Позже А. А. Мусатов полюбил Нину Алексеевну Симонову и ушел к ней навсегда. Т. В. рассказывала, что ему в дорогу, когда он уходил, она переглядила все рубашки и зла на него не помнит. Насколько понимаю, Т. В. в нашем институте почти ни на кого зла не держала. Обижалась за что-то только на Б. Б. Вронского.

В первые годы моей работы в КоТИНРО Т. В. иногда приглашала меня к себе домой, жарила баранину с луком и кормила. В это время она несколько лет уже жила с Юрой (не знаю его фамилии), который работал баянистом в каком-то хоре. Он любил выпить. Вскоре Юра умер и Т. В. осталась одна.

В начале 1970-х гг. Тамару Васильевну с оз. Курильского «ушли», и затем она почти 10 лет занималась лососями р. Большой. Там нашла связи между динамикой захода лососей в р. Большую и приливно-отливными явлениями (в зависимости от фаз Луны). На коллоквиумах, при защите годовых отчетов, на некоторые вопросы она отвечала: «Что мне вам объяснять, все равно вы ничего не понимаете». Естественно, это не нравилось: все-таки у нас научный институт и правила игры надо соблюдать всем.

Помню ее в начале сентября 1994 г. на банкете в КоТИНРО по поводу защиты моей докторской диссертации. Она, как всегда, веселилась. Танцевала и целовалась с М. М. Селифоновым. Я очень счастлив, что успел заснять ее на видео такой, какой она предстала тогда – пожилой, но статной и красивой.

Знаю, что в молодости, когда американский ихтиолог, высокий норвежец д-р Оле Матисен приезжал в СССР, у нее с ним был роман. Ренди (жене Оле Матисена), тогда пришлось какое-то время попереживать.

Осенью 1993 г. Оле Матисен приезжал на Камчатку и ходил к Т. В. в гости. Меня она тогда тоже пригласила.

Пришла еще одна женщина (работник радио), подруга хозяйки. Мы вчетвером просидели целый вечер вместе. Смотрел на Т. В. и Оле, оба они были какие-то грустные... но Т. В. заметно веселее.

В КоТИНРО всегда имелись проблемы с персоналом, живущим на наблюдательных пунктах. По статусу на пункте научные сотрудники и технический персонал должны проживать круглогодично. Два-три раза в год специалисты с пунктов приезжали в институт для защиты научных отчетов и решения вопросов по материально-техническому обеспечению. Зимой на пунктах жить никто не хотел, и они оставались, часто значительное время, только под присмотром технического персонала. Обычно одного-двух человек.

С отъездом (бегством) «научников» оставшийся контингент потихоньку «смаывался» в ближайший поселок (связи с институтом ведь нет), чтобы вкушать блага цивилизации. Часто на некоторых наблюдательных пунктах неделями и даже месяцами не было людей. Поэтому люди, которые действительно зимовали на пунктах, очень ценились. Таким и являлся Петр Васильевич Андриенко, муж Майи Вольдемаровны Добрыниной, младшего научного сотрудника КоТИНРО. Многие годы она занималась изучением горбуши р. Утки. В начале 1970-х гг. М. В. уехала в Москву, и П. В. остался один на пункте.

В конце сентября 1974 г., по заданию заведующего лабораторией лососевых рыб Б. Б. Вронского, я в авральном порядке «ездил» на р. Утку: прошел пешком от Усть-Большерецка до Уткинского наблюдательного пункта – около 50 км. В дороге на берегу р. Митоги заночевал – ждал отлива. По пути на прибойке Охотского моря собирал прозрачные камни-халцедоны (их встречалось немного – один на 2 км).

Б. Б. отправил меня в командировку на пункт с целью надзора за материальными ценностями, хранившимися там от разграбления. Заведующего на пункте тогда не было вообще. Проживший там многие годы П. В. имел проблемы с семьей, уволился и находился сейчас в Ленинграде. Рабочий пункта Северин Николаевич Бречалов отсутствовал, удалившись в неизвестном направлении.

Очень хорошо помню, как в прекрасный сентябрьский солнечный день сидел один на берегу р. Утки и крутил на патефоне грампластинки «78 оборотов/мин», которые (без пакетов) наполняли деревянный ящик из-под сливочного масла. В нем в основном находились лирические песни и марши 1940–1960-х гг.

Читать было нечего. Нашел в совершенно пустом бывшем доме Ростислава Саввича Семко всего одну книгу: какую-то испанскую пьесу писателя XVII в. Прочитал ее с большим трудом (такая она была нудная). Ставил на прокорм в речке сетку. Хорошо ловился кижуч.

Через неделю появился рабочий пункта, беглый С. Н. Бречалов. Он в первый же вечер напек булок. После черствого хлеба это показалось очень вкусным. Моя миссия завершилась. До Усть-Большерецка также возвращался пешком. В конце сентября вернулся в Петропавловск.

В октябре-ноябре периодически летал с А. Г. Остроумовым из Петропавловска на вертолете Ми-4 в долину р. Камчатки и другие районы. Иногда возникали непредвиденные ситуации. Так, накануне праздника Великой Октябрьской социалистической революции, 3 ноября 1974 г., после обеда получил задание от Б. Б. отвезти снегоход «Лайка» на оз. Курильское.

В чем находился на работе, в том и полетел. Выгрузили снегоход. Пилоты сказали, что могу пока попить чаю, а они залетят на полчаса на Паужетку и затем заберут меня в город. Их вызвали на санзадание.

Больше вертолета я не видел. Прождали двое суток. М. М. Селифонов сказал, что из пос. Озерновского в Усть-Большерецк идет попутный вездеход и «сотрудника КоТИНРО» на него возьмут. Маргарита Федорвна дала рубашку мужа с длинными рукавами и телогрейку – утеплена.

На пунктовой машине ЗИЛ-157 меня доставили в Озерную, откуда на следующий день выехали в Усть-Большерецк.

Документов с собой у меня не имелось, и в поселковом отделении милиции на основе свидетельских показаний мне выдали справку, что я – это я. Когда проезжали пограничную заставу в устье р. Большой, то этой справке пограничники очень удивились, но пропустили. С тех пор всегда стал с собой носить документы.

В Усть-Большерецк прибыли уже ночью – в 23 часа. В местной гостинице попытался найти шоферов, уезжавших в ближайшее время в Петропавловск. Нашлись две машины-самосвала. В час ночи 6 ноября мы выехали двумя машинами.

Где-то в районе пос. Апача на дороге в кювете увидели перевернутый трактор «Кировец». В кабине находились зажатые сиденьями трое мужчин. Один из них умер, а двое были живы, но жутко пьяны.

Вместе с водителями самосвалов открутили ключами сиденья и достали двух живых. В кабину каждой машины посадили по пострадавшему и поехали в пос. Сокоч, где располагалась больница. Водители подъехавших позже машин остались извлекать труп.

Мужчина, который сидел между водителем и мной в кабине, по дороге умер. Я сидел и чувствовал, как остывает его тело. В больнице живому оказали первую помощь, а меня уложили на кушетку спать (водитель повез милиционера на место происшествия). Через четыре часа он вернулся, и мы поехали в Петропавловск. В институт я доставил ящик гидробиологических проб с оз. Курильского для Ирины Александровны Носовой (жены Б. Б.).

На следующий день в институте произошел большой скандал. Оказывается, не следовало брать пробы с пункта. Их можно вывозить только на вертолете. Пробы значительно пострадали, т. к. у самок циклопов в дороге «растряслись яйца» и исчезла возможность посчитать их плодовитость. К сожалению, сотрудники пункта, вручая ящик с пробами, об этом не подумали и получилось то, что получилось.

Доставленный в начале ноября 1974 г. на Озерновский наблюдательный пункт отечественный снегоход «Лайка» оказался нерабочим. Позже, уже в ноябре 1976 г., собак с пункта убрали и привезли новый снегоход «Буран» (он уже не подвел). «Железный конь пришел на смену крестьянской лошадке». Период использования собачьих упряжек здесь закончился.

В ноябре 1974 г. произошло событие, которое я с удовольствием вспоминаю уже более 35 лет – в нашей 213-й комнате Жанна Харитоновна Зорбиди в честь защиты кандидатской диссертации в ТИНРО устроила банкет. Присутствовал «генералитет» института и ряд сотрудников нашей лаборатории.

Ж. Х. стояла в окружении своих лучших подружек – Светланы Павловны Белоусовой, Татьяны Федоровны Качиной (жена Первого секретаря Обкома КПСС) и лучшего друга – заведующего лабораторией океанографии Ивана Васильевича Давыдова. Была очень счастлива и очень красива.

Накрыли безобразно великолепный и очень дорогой стол. Этот ломящийся и дымящийся от деликатесов стол я неоднократно вспоминал в течение всей своей жизни. Вероятно, здесь сыграло свою роль то, что за год работы в КоТИНРО и многочисленных разъездов очень изголодался.

Обычно это происходило к концу дня. Я громко говорил: «Жанна Харитоновна, а помните Ваш банкет? Какой шикарный Вы сделали стол...». На столе было «все». Поэтому что-то перечислять, что там стояло, просто не имеет смысла.

Банкет прошел в хорошей дружеской обстановке: были пьяные, в меру пьяные, но никто не дрался. Трезвых не наблюдалось. Банкет, несомненно, удался. Вот так в ноябре 1974 г. появился в КоТИНРО еще один кандидат биологических наук – Ж. Х. Зорбиди.

В конце декабря 1974 г. на вертолете я доставил П. В. Андриенко на Азабачинский наблюдательный пункт. Петр Васильевич, участник Великой Отечественной войны – являлся одним из старейших работников КоТИНРО. До этого он многие годы проработал на пункте на р. Утке, где, не имея высшего образования, собирал материалы по камчатской семге. По ней он хотел написать кандидатскую диссертацию. Все материалы по семге у него хранились в большом коричневом фибровом чемодане, с которым он не расставался всю жизнь.

В ноябре 1974 г. на Уткинском наблюдательном пункте появился новый заведующий – В. П. Арендар. Вернувшийся с материка и вновь устроившийся на работу в КоТИНРО, Петр Васильевич с ним не сработался и согласился переехать на Азабачинский пункт, где, кроме супругов Горшковых, никто не жил.

В итоге, я, как связанный с авиаучетом, 26 декабря 1974 г. сопроводил и привез П. В. (с собакой) на вертолете Ми-4 на Азабачинский наблюдательный пункт.

О том, что полечу из Петропавловска на р. Утку, а затем на оз. Азабачье, еще утром не знал и оделся в то,

в чем обычно ходил на работу. Хорошо, что в шкафу висела теплая куртка, которую стал держать там с некоторых пор (после полета с вездеходом «Лайка»).

Скомандовали, и я полетел. По договоренности с вертолетчиками после выгрузки П. В. меня на этом же вертолете должны были доставить обратно в город.

Не знаю, что произошло, но пока выбрасывали вещи нового жителя пункта (винты крутились), вертолет вдруг неожиданно взлетел и улетел. А я как стоял в городских брюках и обуви, так и остался на 40-градусном морозе.

Пункт покинули, видимо, уже не менее недели назад. В жилом доме температура опустилась до -38°C . Конечно, я растерялся и трясся от холода. На пункте не тявкала ни одна собака (как позже выяснилось, они имелись, но уже не совсем «адекватные»). Собака П. В. начала безумно выть.

П. В. сразу же полез шарить по сараям и кладовкам в домах и через несколько минут притащил ватные штаны и дырявые валенки, велел закутаться в одеяло. Начали растапливать печку.

Печка разгорелась сразу, но в доме все промерзло и несколько часов стоял собачий холод. Мы сварили рожки с тушенкой, выпили по стакану водки, затем – сладкого чаю и завалились вдвоем на самодельную кровать Сергея Анатольевича и Галины Васильевны Горшковых (2 x 2 м) спать. Набросали на себя все одеяла, какие нашли.

Утром проснулся от ощущения тепла и комфорта. В окна светило поднимающееся солнце. Окна запотели – дом начал прогреваться. Выпили по кружке кофе. Поспали еще около часа и начали знакомиться с обстановкой.

Подлетая к пункту, думали, что Сергей и Галина находятся там. До их приезда остановились у них в доме. Учитывая нашу договоренность с вертолетчиками, знал, что вертолет обязательно вернется. Он мог прилететь не ранее 12–13 часов. Поэтому решили, что перед дорогой мне стоит перекусить. П. В. в своих баулах и ящиках начал искать продукты. Я предложил ему поджарить баранины из запасов обитателей дома – накануне вечером видел две туши в коридоре. Потом рассчитаемся. Он согласился, а я пошел нарубить баранинки. Но когда уже стаскивал «барана» с крючка, понял, что на стенах висели туши не баранов, а двух ободранных здоровенных собак. Вернувшись, сообщил, что жареная баранина отменяется. П. В. сказал, что он не знает, где я видел баранов, т. к. кроме двух ободранных кобелей он с вечера в коридоре ничего не заметил.

Быт у нас сразу наладился. В первый день вертолет не прилетел. К вечеру П. В. подшил мне валенки и я чувствовал себя вполне комфортно. В следующие два дня вертолета не было по-прежнему. Решили, что если 30 декабря вертолет не прилетит, то мы пойдем на лыжах в Усть-Камчатск – 60 километров. Рассчитывали дойти за два дня.

Вертолет прилетел 30 декабря, неожиданно, в 17 вечера – под закат. Пилоты проинформировали, что их срочно вызвали на санзадание. Через 45 минут уже приземлились в Ключевском аэропорту. Командир вертолета сказал, что завтра, 31 декабря, меня в 16–17 часов возьмут на борт военного самолета, который летит в Петропавловск, а сами они улетают сейчас в Козыревск.

Ночевать пошел на Ключевскую вулканологическую станцию в гостиницу «Стромболи» (домик из нескольких комнат), где мы три раза осенью этого года останавливались с А. Г. Остроумовым и экипажем вертолета.

Жильцы гостиницы сказали, что разрешить переночевать мне может только «начальник», который приедет через три часа. Дождался его в коридоре. Описал свою ситуацию, рассказал, кто я такой. Но начальник – известный вулканолог, тогда еще к. б. н., Глеб Флеров, предварительно спросив, сколько нас человек, все же не разрешил мне переночевать на этой станции. Вероятно, я был не очень хорошо одет, т. к. встречают по одежке.

Замерзать на улице не хотелось. Вернулся в аэропорт, и сторож (нарушив инструкцию) позволил остаться в здании аэропорта – не выгонять же парня на 40-градусный мороз.

На следующий день, вечером 31 декабря, за три часа до Нового, 1975, года, прилетел в Петропавловск. С тех пор всю свою жизнь стал равнодушно относиться и к вулканологам, и к их героической профессии. Но после своих экстремальных поездок всегда стал держать в институте ватные штаны и куртку – вдруг Б. Б. опять пошлет куда-нибудь.

В начале сентября 1974 г. я отпросился у А. Г. на неделю на оз. Курильское (до пос. Озерновского и обратно добирался на рейсовом самолете Як-40).

На пункт, как всегда, пришел пешком. На следующее утро с рабочим А. В. Кузюриным добрались на лодке до устья р. Этамынк и поднялись вдоль ее берега по медвежьим тропам к озеру. Там, на нерестилищах, поймали около 70 шт. производителей нерки и сделали их биологический анализ. На следующий день, вечером, вернулись на пункт, а еще через день я улетел в Петропавловск.

Осенью 1974 г., после поездки на оз. Курильское и Этамынк, Б. Б. объявил, что больше неркой р. Озерной (оз. Курильского) я заниматься не буду. Проблему дифференциации субизолятов нерки этого водоема станет разрабатывать М. Ф. Селифонова. Мне ничего не оставалось делать, как согласиться.

Тем не менее, объективно оценив мою активность по изучению нерки оз. Курильского, Б. Б. предложил мне (занимаясь авиаучетом), одновременно начать изучать западнокамчатскую симу, о которой никто не вспоминал со времен Р. С. Семко, опубликовавшего в 1956 г. статью о ней в «Зоологическом журнале». Я с радостью согласился и тут же начал строить свою деятельность с учетом пожеланий заведующего.

После принятия Б. Б. решения о моей дальнейшей научной работе, я первым делом написал письма в ТИНРО (Владивосток) и его отделения – на Сахалин и в Хабаровск с просьбой прислать чешую и данные биологических анализов по половозрелой симе, имеющиеся в архивах.

Из Хабаровского отделения ТИНРО мне ответил друг Б. Б., заведующий лабораторией Юрий Степанович Рослый. Он прислал чешую симы из р. Амур за 1959 год. Из Владивостока передала чешую симы Надежда Федоровна Пушкарева. Материалы собрали в р. Тумнин (Северное Приморье) в 1974 г. В ней ловились наиболее крупные экземпляры этого вида на всем Дальнем Востоке.

Сахалинское отделение ТИНРО несмотря на то, что там сима встречается в массовых количествах, чешую «зажало» (видимо, кто-то собирался писать кандидатскую диссертацию по этой рыбе). Тем не менее, около 100 шт. симы, пойманной в море у берегов Сахалина, выслал Алексей Петрович Шершнев.

Материалы биологических анализов половозрелой симы из ряда рек Западной Камчатки я обнаружил в архивах экспедиций Камчатрыбвода. В КоТИНРО нашлись материалы за несколько лет по симе р. Утки.

Обладая этими, достаточно неплохими, материалами для сравнения, я написал и отправил две статьи по симе в журнал «Биология моря» ДВНЦ АН СССР, где их и опубликовали в 1978 г. В качестве основы для будущей кандидатской диссертации решил начать ежегодные сборы материалов по симе на Уткинском наблюдательном пункте.

В апреле 1975 г. участвовал в Конференции молодых ученых, проводимой ТИНРО во Владивостоке. Там выступил с докладом об исследованиях в бассейне оз. Курильского. На вопрос (из зала) о перспективах исследований ответил, что не знаю, т. к. сейчас уже занимаюсь симой.

В начале мая 1975 г., вместе с заведующим сектором динамики численности лососевых рыб Львом Евгеньевичем Грачевым, я отправился на р. Утку делать учет ската молоди горбуши и, попутно, собирать материалы по симе.

Полеты по учету численности лососей на нерестилищах у меня должны были начаться только с 15 июля. В принципе, сима и авиаучет являлись вполне совместимыми на перспективу. Думаю, что лет через 10 я смог бы защитить кандидатскую диссертацию по биологии западнокамчатской симы (при этом с элементами авиаучетов).

С Львом Евгеньевичем очень понравилось работать. Это был искренний, доброжелательный и эрудированный человек, который мог ответить на многие жизненные вопросы. Работу по скату горбуши, которую выполняли в ночное время, к началу июля мы закончили. Поймали около 100 шт. производителей симы.

Сима на Западной Камчатке не крупная и по внешнему виду очень напоминает нерку-каюрку (самцов с одним-двумя морскими годами) длиной 40–45 см. Поэтому на Западной Камчатке в промысловых уловах сима всегда шла в зачет вместе с неркой в качестве прилова, который никто не дифференцировал.

К сожалению, когда осматривали русло р. Утки, которая несколькими сотнями метров выше пункта уже становилась совершенно непроходимой для рульмотора, Л. Е. повредил правую ногу в колене, после чего он стал с трудом передвигаться.

В 15 километрах от пункта КоТИНРО находился домик монтера телефонной линии. На следующий день мне пришлось идти туда, чтобы позвонить в институт. Через сутки за нами на вертолете прилетел А. Г. Остроумов и отвез в город. Л. Е. еще несколько лет продолжал хромать.

Сразу же после приезда с р. Утки в Петропавловск Б. Б. объявил, что с сегодняшнего дня я перестану изучать симу, а начинаю – нерку р. Камчатки. Мне необходимо провести идентификацию рыб из притоков и оценить их присутствие в уловах отечественного промысла. Свою работу по-прежнему необходимо совмещать с авиаучетами. Естественно, я с радостью согласился. Новая тема больше отвечала моим наклонностям, т. к. я уже имел опыт анализа структуры чешуи нерки в бассейне оз. Курильского.

Первую попытку сбора собственных материалов по нерке р. Камчатки я предполагал провести в июне – начале июля 1975 г. Этот выезд в бассейн реки следовало осуществить до начала авиаучетов, т. е. до 15 июля. Мы договорились с А. Г., что 15–16 июля он заберет меня с Азабачинского наблюдательного пункта.

Через два дня после разговора с Б. Б. я отправился на теплоходе «Петропавловск» в Усть-Камчатск. Это пассажирское судно в летнее время каждые 10 суток (с заходом на Командоры) совершало регулярные рейсы до пос. Оссора и севернее – до пос. Корф (все зависело от времени года и штормовой обстановки).

В Усть-Камчатске остановился в домике КоТИНРО, построенном в 1930-х гг. по ул. Комсомольской, 149. Здесь уже находились наши девушки-лаборантки, которые делали биологические анализы лососей на Усть-Камчатском РКЗ.

В тот же день с оз. Азабачьего в поселок за продуктами приехал Валерий Андреевич Максимов, сотрудник МГУ им М. В. Ломоносова, изучавший микижу р. Камчатки. Лицо у него было огненно-красное от загара, а с носа свисали клочья облупившейся от ветра кожи. Вид у этого старшего научного сотрудника был и лихой и, немного простецкий. Он и довез меня до озера на лодке. В. А. в это время обитал в протоке озера на биостанции «Радуга» (ИБМ ДВНЦ АН СССР). Тем не менее, он доставил меня на Азабачинский наблюдательный пункт (плюс еще 18 км), где жили С. А. и Г. В. Горшковы, а также инженер П. В. Андриенко, которого я завез сюда в конце декабря 1974 г.

О первой поездке с В. А. Максимовым остались незабываемые впечатления. Ехали мы медленно. «Прогресс-2» перегрузили. За дорогу выпили две бутылки болгарского «Каберне», заели болгарским компотом из персиков. Пока доехали, все «Каберне» выветрилось. Стоял прекрасный солнечный день – 20 июня 1975 г.

У меня имелось разрешение на лов. В истоке протоки Азабачьей закинули невод и за один замет поймали несколько сотен половозрелых нерок. Из них отсчитали 100 шт. для анализа, а остальных выпустили. С неркой в невод попались и арктические гольцы. В. А. выбрал их всех на анализ.

Последующие двое суток я делал биологический анализ пойманных рыб. Первые два часа мне помогали Сергей и Галина, но затем они занялись своими делами. Анализ пришлось завершать с помощью Петра Васильевича. Так состоялась моя первая собственная проба нерки в бассейне р. Камчатки.

Азабачинский наблюдательный пункт КоТИНРО создали в 1963–1964 гг. на месте неправильно спроектированного и построенного лососевого рыбозавода. Там имелось три больших рубленых из лиственницы двухквартирных дома и бесчисленное множество хозяйственных построек (включая конюшню). Про сам завод уже не говорю, потому что, начиная с начала 1970-х гг., он служил и до сих пор (начало XXI в.) иногда служит источником дров для бани. Вот это завод. Всем заводам... завод!!!

Раньше на озере жили ездовые собаки. В декабре 1973 г. мы с А. Г. Остроумовым с вертолета наблюдали, как Сергей Горшков ездил на собаках в районе пункта. Но осенне-зимний период 1974 г. стал последним годом для них.

Примечательно, что собак иногда кормили бомбажными консервами с Усть-Камчатского РКЗ. Зимой рубили замерзшие банки топором напополам – кушайте собачки на здоровье. Когда садились с А. Г. на пункте

на вертолете, многие годы видел огромные кучи разрубленных ржавых банок, валяющихся в кустах. Через 20 лет от этих банок ничего не осталось. Время делает свое дело.

Обработав азабачинскую нерку, вторую пробу я предполагал собрать в бассейне оз. Нерпичье. В помощь для первой поездки туда Сергей Горшков дал мне Петра Васильевича, очень обрадовавшись.

30 июня с П. В. на лодке «Прогресс-2» мы отправились на оз. Нерпичье – самый крупный солоноватоводный водоем на всем северо-востоке Азии. Никто из нас двоих на этом озере ранее никогда не был.

Попросили сотрудника Усть-Камчатской инспекции рыбоохраны Сергея Мищенко показать место в озере, где сможем за сутки-двое без проблем поймать 100 шт. производителей нерки.

Выехали «в озеро» на двух лодках в 5 часов утра – это самое безопасное время суток для передвижения по данному водоему. С 9–10 часов утра на Нерпичьем обычно поднимается волна, которая стихает только глубокой ночью (под утро).

Сергей привез нас к устью р. Солдатской и сказал, что это лучшее место в оз. Нерпичьем, где можно поймать нерку. Устье стояло замытым и напоминало ручей. Место представлялось настолько несерьезным, что я решил искать другое. В результате, мы забрались в самую отдаленную часть оз. Нерпичье – оз. Култучное, где остановились в устье р. Ольхово-Култучной.

Поставили палатку. Вечером – сетку. Сергей в 5 утра уехал в Усть-Камчатск. Когда проверили сетку, то оказалось, что там 20 кетин, 1 нерка и немислимое количество крупной звездчатой камбалы. Стало ясно, что это не та речка, где можно собрать нерку. После биологического анализа направились дальше вдоль берега и выбрали крупную р. Тарховую. Войдя в нее, в километре от устья обнаружили землянку, где провели трое суток.

В первую ночь нам ничего не подалось, а вся сеть была забита мусором. Петр Васильевич предложил ловить сплавом: я шел с одного берега, а он с другого, растягивая плывущую по течению сеть. Сеть сплавляли около 400 м. За сплав в среднем ловилось 6–7 кетин и 1 нерка. За двое суток поймали 70 кетин и 12 нерок. Все стало ясно.

Вернуться к реке Солдатской не могли, т. к. у нас начала барахлить «торпеда» в моторе. Мы ее «ухайдокали», когда курсировали по перекату реки, транспортируя сеть из пункта «А» в пункт «Б» (из точки конца сплава в точку начала сплава).

Прошло уже много лет, но мне часто вспоминаются дни на р. Тарховой: переплывающий утром через реку медведь (П. В. не стал стрелять по моей просьбе), попадающаяся прямо на глазах в плавную сеть рыба, купание в озере, несколько диких оленей вышедших к устью реки.

П. В. часть нерки из моего первого азабачинского улова засолил и закопчил в бане. В поездке ели балык из нерки. Это было что-то необыкновенное.

Вернулись мы на Азабачинский наблюдательный пункт 7 июля. Добрались, вроде, самостоятельно, но торпеду угробили окончательно. Сергей Горшков очень на меня за это обиделся. Думаю, что правильно. Не одно доброе дело не остается безнаказанным.

Моя задача в оз. Нерпичьем в 1975 г. не разрешилась. Но опыт я приобрел. В последующие годы всю нерку собирал только в р. Солдатской, куда нас с П. В. первоначально и отвез Сергей Мищенко. Тем не менее, дни, потраченные на исследование других рек, не стали бесполезными.

Уже много лет спустя, когда сотруднице КоТИНРО Лидии Олеговне Завариной потребовалось отловить раннюю кету в оз. Нерпичьем, я ее (с командой помощников), отправил прямо к устью р. Ольхово-Култучной, где ей удалось собрать необходимый материал. Правда, Лидия Олеговна жаловалась, что досаждали медведи. В одного, самого наглого из них, пришлось бросить чайник, который они у меня попросили. А тот взял его и попортил: откусил пластмассовую ручку.

Через день после нашего возвращения с оз. Нерпичье на станции «Радуга» началась знаменитая «популяционная школа» д. б. н. Станислава Максимовича Коновалова, где ведущие сотрудники разных

институтов и городов рассказывали о своих исследованиях. Разумеется, главной звездой был сам С. М., недавно вернувшийся из поездки на Аляску. Я искренне восхищался им, и мне хотелось быть хоть чем-то в своих исследованиях похожим на него.

Из почетных гостей на озеро прибыли: д. б. н. Евгения Алексеевна Дорофеева, д. б. н. Валентин Сергеевич Кирпичников, к. б. н. Владимир Александрович Клюканов, а все остальные были или молодыми, или очень молодыми – Михаил Константинович Глубоковский, Сергей Анатольевич Горшков, Галина Васильевна Горшкова, Сергей Федорович Золотухин, Влад Евгеньевич Ильин, Валерий Каюмович Клоков, Владимир Иванович Островский, Николай Серафимович Романов, Николай Анатольевич Чебанов, Евгений Владимирович Черненко, автор этой книги и другие.

В период работы школы начал извергаться вулкан Толбачик и в районе озера выпало 1,0–1,5 мм вулканического пепла. Это удобрение озера отразилось на увеличении численности нерки оз. Азабачьего в 1983–1985 гг. Может быть, это было особым знаком, т. к. через несколько лет «удобренная» на оз. Азабачьем молодежь интеллектуально выросла, и многие стали известными учеными нашей страны.

20 июля 1975 г. на вертолете Ми-4 прилетел А. Г. Остроумов и забрал меня на авиаучеты. Несколько дней летали вместе. Затем, по обоюдному согласию, Анатолий Георгиевич на 2 часа «выбросил» меня на оз. Двухюрточном в устье р. Верхней Двухюрточной. Здесь я сетью отловил 100 шт. производителей нерки – рыба «стояла стеной». К моменту прилета вертолета уже все закончилось. Пойманная рыба находилась в трех мешках. После этого меня одного высадили на безымянном острове в среднем течении р. Камчатки, где я двое суток делал биологический анализ. Стояла сташная жара и сильно досаждали комары. Ночью вдалеке мерцали красные всполохи – извергался вулкан Толбачик.

На этом мои полевые исследования нерки в 1975 г. закончились. Потом вместе с А. Г. мы летали до середины ноября по всей Камчатке, учитывая лососей на нерестилищах.

Начиная с осени 1973 г., занимаясь авиаучетом лососей, я плохо чувствовал себя в воздухе. Особенно во время самого процесса авиаучета, когда самолет или вертолет летели по меандрам реки. Осенью 1975 г. я объявил Б. Б. Вронскому, что из-за плохого самочувствия в воздухе не могу заниматься авиаучетом и собираюсь уйти из института.

Б. Б. отнесся с пониманием и очень серьезно к моему заявлению, сказал, что уладит назревающий конфликт с директором А. К. Евдокимовым. Так, с осени 1975 г. я стал уже официально заниматься идентификацией локальных стад нерки в бассейне р. Камчатки.

К сожалению, прекращение работы по авиаучету отрицательно сказалось на взаимоотношениях с директором, который на каждом собрании, выступая с трибуны, вспоминал, что некоторые сотрудники вместо того, чтобы работать – заниматься авиаучетом, ударились в исследования чешуи.

Сейчас, более 35 лет спустя, это все забылось, но многие годы сложившаяся ситуация очень сильно угнетала меня.

В первую самостоятельную экспедицию в бассейн р. Камчатки заведующий лабораторией дал мне в помощники Анатолия Николаевича Ходько (сотрудника нашей лаборатории) и студента 4-го курса Александра Сергеевича Повчуну из Ростовского ГУ.

1 июня 1976 г. мы втроем прибыли в Усть-Камчатск на теплоходе «Петропавловск». Привезли с собой лодочный мотор «Вихрь-25». Остановились в домике КоТИНРО на ул. Комсомольской, № 149, где за зиму выбили все окна (последние годы в нем зимой никто не жил). Очень удивило, что сарай-дровяник этого дома размером 4 x 3 м доверху был забит ящиками с пустыми бутылками. Они остались от предыдущих жильцов.

Дело в том, что этот дом в течение нескольких лет в качестве перевалочной базы использовали сотрудники ИБМ ДВНЦ АН СССР, когда направлялись на станцию «Радуга». Вероятно, основной «вклад» был сделан

этими ребятами, но остальное, без сомнения, было «тинровской» работой (совместно с коллегами из МГУ им. М. В. Ломоносова).

За несколько дней подружились с нашим соседом – 40-летним Юрием Кондрашовым. Он работал дизелистом на Усть-Камчатском РКЗ. Лодочный гараж КоТИНРО и его личный находились рядом. С ним съездили на станцию «Радуга», где Влад Ильин с разрешения нового заведующего Азабачинским наблюдательным пунктом Александра Водоватова дал нам на лето лодку «Прогресс-2». Она принадлежала КоТИНРО, но почему-то хранилась постоянно на станции. Заполучив лодку, мы сразу же переселились на р. Радугу, впадающую в р. Камчатку напротив устья протоки Азабачей. В 2 километрах от устья р. Радуги разбили постоянный лагерь.

К нам в гости часто приходили камчадалы братья Торобыкины – Коля и Толя, жившие в пос. Нижнекамчатск, из которого в свое время отправился в плавание знаменитый мореплаватель, руководитель двух камчатских экспедиций командор Витус Беринг. Они показали места лова в нижнем течении реки, и наша команда уверенно набирала материал. Проводили неводные обловы молоди. Одновременно собирали материал и в оз. Азабачьем. Оставалось оз. Нерпичье, куда отправились 26 июня. А затем, после Нерпичьего, мы планировали подниматься вверх по р. Камчатке к другим неизвестным нам притокам.

В оз. Нерпичьем сразу же направились к р. Солдатской, где за две ночи отловили 100 шт. нерки и сделали стандартный биологический анализ. По дороге из озера у нас заклинил мотор – шатун пробил стенку блока цилиндров. Нас выбросило волнами на берег оз. Нерпичьего в 15 км от пос. Крутоберегово. Вероятно, в моторе имелся заводской брак, т. к. в нем (новом) уже через несколько часов работы появились посторонние стуки, которые все время возрастали. С таким стучащим мотором проехали более двух недель, пока он не показал нам «руку дружбы».

Утром пошел в Крутоберегово, а Анатолий остался у лодки. Добравшись в Усть-Камчатск, нашел Юру Кондрашова, который дал мне мотор, и на его лодке доехал до места нашего крушения. Поставив его мотор на свою лодку, на двух «Прогрессах» вернулись в Усть-Камчатск. Далее нам надо было ехать вверх по реке Камчатке до р. Еловки, устье которой располагалось 20 километрами выше пос. Ключи.

После проведения биологического анализа на р. Солдатской у нас получилось более одного ведра соленой икры нерки. Мы всю ее отдали Юре Кондрашову за необходимые запчасти для мотора. Он при нас, тут же, ручной закаткой (с двумя сменными роликами) раскатал это ведро икры в фирменные жестяные 140-граммовые баночки «Икра лососевая», которые на следующий день и продал в Усть-Камчатском аэропорту отпускникам, уезжающим «на материк» на отдых.

Собранный мотор хорошо заводился «насухую», но если его ставили на лодку и опускали в воду – он не заводился. Разбирали мотор 4 раза. Этот кошмар продолжался трое суток. К нам приходило много консультантов (почти каждый с бутылкой), но ничего сделать не могли – мотор не работал.

В конце-концов уговорили не очень трезвого Юру Кондрашова, чтобы он довез нас до Ключевской инспекции рыбоохраны (125 км вверх по реке), а там, подумали мы, уж решим, что делать дальше.

Наутро, 7 июля 1976 г., выехали вчетвером на двух лодках с моторами Юры (наш мотор погрузили в одну из лодок). Шел моросящий дождь. Везли бочку бензина. Лодки перегрузили, и за день проехали всего около 70 км. Остановились ночевать в устье р. Ильчинец, расположенной чуть выше Верхних Щек. Переночевали в палатке. Поставили сетку – поймали одну нерку. В р. Ильчинец рыба почти не нерестится из-за большого количества взвесей от селей, стекающих с отрогов вулкана Шивелуч.

Юра не просыхал уже третьи сутки – пил водку за здоровье всех странствующих и путешествующих. Мы молили Бога, чтобы ему хватило водки и он не вздумал возвращаться назад. На следующее утро опять поплыли вверх по реке. Перед самыми Ключами из-за сильного течения, встречного ветра и крутой волны лодки почти не шли – они практически стояли на месте. Третьи сутки шел мелкий моросящий дождь. Все замерзло страшно. Водка закончилась. Юра протрезвел и не мог понять, где он находится. Ему все казалось, что до родного дома 2–3 километра.

В конце концов мы доплыли до крайних домов и самовольно заняли в каком-то доме баню. Затопили, чтобы стало теплее. Немного согревшись, я пошел к хозяевам, которые не на шутку перепугались, объяснил ситуацию и попросился переночевать до утра в их бане. Анатолий сходил в магазин, купил водки, и бедный Юра успокоился.

На следующее утро выглянуло солнце. Мы отдохнули. Поблагодарили Юру, и он на своей лодке со своим же вторым мотором уехал в Усть-Камчатск. Оказалось, что за 10 лет жизни в Усть-Камчатке он первый раз

дошел на лодке до Ключей. Как он нам сказал позже, поздней осенью 1976 г., после этого случая он еще несколько раз самостоятельно ходил в Ключи, где ему очень понравилось (украл три мотора).

Юра Кондрашов, бывший заключенный, трагически погиб в октябре 1978 г., упав между двумя баржами в воду. Его не раздавило, он умер от разрыва сердца, вызванного испугом и холодной водой. Уже сейчас, много лет спустя, события более чем 30-летней давности стоят у меня перед глазами, когда прохожу мимо сарая Юры Кондрашова, который в Усть-Камчатске сохранился до сих пор. Юра нас очень выручил, и я до сих пор помню о его помощи.

После отъезда Юры я пошел в инспекцию рыбоохраны, где очень хорошо был встречен начальником Геннадием Щукиным. На машине мы привезли рыбодоводский мотор и перегнали лодку к рыбинспекции.

Этот и весь следующий день «ключевские» занимались нашим мотором. Один интеллигентного вида и сильно пьяный пожилой гость сделал предположение, что у нас неправильно установлены поршни, т. к. существуют впускные и выпускные окна. Действительно, один из поршней в Усть-Камчатске мы установили не той стороной.

Мотор сразу же заработал, и в сопровождении рыбинспекции мы отправились на р. Еловку, в место слияния рек Киревны и Еловки («Горбун»). За три дня поймали свои 100 шт. нерки и сделали ее биологический анализ. Одновременно выполнили биологический анализ 70 шт. чавычи (все были самцы), попавших в сеть вместе с неркой.

Вставал вопрос, что делать дальше, т. к. стало ясно, что на одной лодке втроем мы не уедем. Решили, что Анатолий негласно съездит в Петропавловск домой, а мы с Александром вдвоем поднимемся на лодке, продолжая работать, до пос. Мильково (580 км от устья р. Камчатки). Договорились встретиться в инспекции рыбоохраны 1 августа. После этого Александр в связи с окончанием практики возвращается в Петропавловск, и далее – домой, в родной Ростов. А мы с Анатолием спускаемся вниз до Усть-Камчатка и работаем дальше до конца сентября.

Нам вместе с Александром удалось собрать материалы в реках Крюки, Быстрая-Козыревка, Толбачик, Николка, Щапина, Кимитина, Вахвина, Крерук. Но в р. Кирганик вновь сломался мотор – раскрутился и деформировался винт, соединяющий коленчатый вал двигателя. Не выдержал нагрузки, т. к. использованные запасные части были от «Вихря-20», а установили их на «Вихрь-25».

Когда поднимались вверх по незнакомой реке, у нас не было карт. Как уже писал выше, карты в КоТИНРО имели гриф «Секретно» и нам их с собой просто не давали. Мне в секретном отделе КоТИНРО разрешили только переписать порядок расположения рек и число кривунов, отделяющих необходимую нам реку от каких-то более или менее известных географических ориентиров. Поэтому, поднимаясь вверх, считали кривуны реки и, если была возможность, спрашивали людей, как добраться до какой-либо конкретной реки и где она располагается. Иногда, не уверенные в том, что это необходимая нам река, часами стояли на берегу, пытаясь у редких проезжающих уточнить ситуацию.

Остро стоял вопрос с бензином. Положенные нам 2 тонны бензина по договору с «Камчатлесом» мы расписали по леспромхозам – Ключевскому, Атласовскому, Мильковскому и Усть-Камчатской лесоперевалочной базе. Бензин получали сразу по 500 л. Это составляло почти 3 бочки. Одну бочку везли с собой, а другие прятали в кустах на берегах р. Камчатки. И какое было блаженство находить потом наши запасы (дважды их нашел кто-то другой). Кроме того, остающуюся от биологических анализов икру нерки меняли на бензин у местного населения – кто сколько даст. Оставшуюся икру мы выбрасывали в воду и с собой не возили.

Из пос. Кирганик позвонили в Мильковскую рыбинспекцию, и за нами приехали, привезли мотор и проводили до рыбинспекции, где мы и остановились на неделю.

Через день приехал Анатолий Ходько, а Александр Повчун уехал. За неделю нахождения в Мильково собрали материал в реках Кирганик, Андриановка, Кавыча, Камчатка (в районе поселков Шаромы и Пушино).

Ездили на нерестилища в основном с инспекторами рыбоохраны. Большую помощь нам в тот период оказал мильковский инспектор Александр Угаров. Бензин использовали наш.

Сотрудники рыбинспекции помогли с запасными частями. 8 августа вдвоем с Анатолием отправились вниз по реке с работой. В этот период в основном облавливали все крупные пойменные озера и все более или менее крупные старицы р. Камчатки – искали и выявляли места нагула молоди нерки.

Последние дни сезона 1976 г. провели на озерах Азабачье и Курсин в нижнем течении р. Камчатки. Никогда не забуду утро 18 сентября на оз. Курсин: палатку покрывал 8-сантиметровый слой выпавшего ночью

снега. За два последующих солнечных дня все растаяло. Вернулись в Петропавловск на теплоходе «Петропавловск» 25 сентября.

В октябре 1976 г. я переехал жить к Татьяне, а 26 ноября мы расписались. Володя Максименков, ныне доктор биологических наук в КамчатНИРО, стал у меня свидетелем. У Татьяны свидетельницей была Анна Зубова – подружка с работы (обе были инженерами-строителями).

Собрали небольшое застолье. Присутствовали Володя Карпенко с его будущей женой Ольгой и мой друг детства Юрий Вторушин, мама Татьяны Евгения Сергеевна и младшая сестра Наташа.

Отец Татьяны получил военную пенсию и работал на «гражданке». В это время он находился в море у берегов Северной Америки. У Татьяны уже была дочь Юлия, которую я удочерил. Родители Татьяны проживали в трехкомнатной «хрущевке». Мы с Татьяной и Юлей поселились в маленькой 9-метровой комнате.

Как я уже упоминал, в конце осени 1974 г. на Уткинский наблюдательный пункт взяли заведующим В. П. Арендара (его супруга по образованию была ихтиологом). П. В. Андриенко, уезжая на материк, передал ему в подотчет материальные ценности.

Через полтора года, в связи с тем, что новый заведующий пунктом практически не бывал там, а фактически проживал в Усть-Большерецке, директор КоТИНРО А. К. Евдокимов решил его уволить. Меня постановили сделать временным заведующим. Поэтому 28 ноября 1976 г. я уезжал в командировку в Усть-Большерецкий район. Что интересно, произошло это на второй день после регистрации нашего брака с Татьяной Томчишиной.

После приезда в Усть-Большерецк я остановился в гостинице, ожидая транспорт и В. П. Арендара, который должен был передать мне материальные ценности пункта.

В итоге, в начале декабря 1976 г. я снова оказался на Уткинском наблюдательном пункте, где принял материальные ценности от бывшего заведующего. По неопытности, как потом выяснилось, я принял в подотчет много лишних солярки и бензина, объем которых измерял по их уровню в бочках (позднее оказалось, что во всех бочках на дне имелось много воды).

После принятия в подотчет материальных ценностей я вернулся в Петропавловск, но в начале января 1977 г. нас вместе с лаборантом Рушаном Сабировичем Абзалдиновым вновь забросили на вертолете на Утку, чтобы на пункте кто-то находился. Продуктов взяли с собой приблизительно на 15 дней. В конце этого срока должен был прилететь А. Г. Остроумов и привезти нам замену. Но по каким-то причинам вертолет не прилетал более 3 недель. Последние дни питались только вареным гольцом с солью. У нас не было ни хлеба, ни чая, ни сахара. Никаких продуктов на пункте, кроме соли, не нашли. Гольца ловили в проруби тут же, в р. Утке.

В начале четвертой недели прилетел взволнованный Л. Е. Грачев, но «уткинские» аборигены оказались живы и веселы. Меня забрали в город. Рушан, которому привезли запас продуктов, караулил пункт еще почти 2 месяца.

Весной 1977 г. многострадальные уткинские материальные ценности вновь принял, не глядя, П. В. Андриенко. Позже, в декабре 1977 г., Петр Васильевич, находясь в командировке в Петропавловске, сказал, что замучился потом списывать принятые мной бензин и солярку. Все происходило на работе. Я почувствовал себя виноватым, полез в свой шкаф, достал бутылку армянского коньяка «3 звездочки» (при социализме армянский коньяк еще ценился) и банку шпрот. Налил два граненых 250-граммовых стакана и сказал: «Извини меня, Петр Васильевич». Инцидент благополучно разрешился.

В 1977 г. КоТИНРО купило мне для работы новую лодку «Прогресс-4», которой я пользовался до 1996 г.

Получил и новый мотор, проработавший верой и правдой на благо науки три года. Лодку и мотор привез в Усть-Камчатск на теплоходе. Со мной приехал Борис Штейников, студент 4-го курса Пермского ГУ. В июне-июле мы с Борисом прошли всю реку с работой от пос. Усть-Камчатска и до пос. Мильково.

В конце июля Борис уехал, а мне стал помогать мой друг, м. н. с. нашего института Алексей Михайлович Токранов, находившийся в отпуске. Ему хотелось посмотреть реку.

В этот период мы собирали материалы по скорости формирования склеритов на чешуе молоди нерки. Поэтому через 10–15 суток приходилось облавливать одни и те же водоемы повторно. Дел оказалось много.

Я очень благодарен Алексею Михайловичу, с которым работал в августе 1977 г. в бассейне р. Камчатки. Приходилось очень много раз закидывать невод, чтобы набрать необходимое количество молоди нерки для проб.

Когда в конце августа добрались до Ключей, Алексей улетел в Петропавловск. У нас произошла размолвка. В этом полностью виноват я. Мне казалось, что Алексей «не очень радовался», когда в одном и том же водоеме (в разных местах) приходилось по 7–10 раз забрасывать невод, чтобы набрать 20–30 экземпляров молоди нерки. Но это казалось. Скорее всего, в тот период я был просто «не в себе». Сейчас только удивляюсь, как это все Алексей терпел.

Несколько дней работал один на озерах Куражечное, Курсин, Низовцево и Азабачье. Очень переживал, что вместе с Алексеем не дошли до самого «низа» и не посидели у костра в устье р. Камчатки. Это стало бы хорошей точкой нашего совместного путешествия. В середине сентября я вернулся в Петропавловск. Но левой сезон еще не был закончен.

В начале октября 1977 г. у меня с директором Ушковского рыбоводного завода И. В. Котовым произошла очень памятная поездка на старицу р. Камчатки – оз. Кулпик. Озеро расположено 120 километрами выше оз. Ушковского, которое само находилось в 225 километрах от устья р. Камчатки.

В этом году удалось собрать хорошие материалы по росту молоди нерки. В довершение успеха к концу полевых работ я планировал поймать молодь нерки из оз. Кулпик. Полученные новые данные позволили бы определить конец сезона роста молоди в этом водоеме.

Выехали 5 октября в 10 часов утра. Был пасмурно, холодно, и свинцовое небо наводило на мысль о скором неминуемом снеге. Но другого выхода не существовало, и мы поехали, предполагая к ночи вернуться.

Тинровская лодка и мотор уже «зимовали». Отправились на «Казанке». Стоял дикий холод и, одолев первые 80 км, мы решили остановиться, согреться и перекусить.

Сидели у костра и ждали чай. Здесь Игорь Васильевич (человек довольно плотной конституции) крайне удивил меня тем, что практически мгновенно выстрелил в быстро налетевшую прямо на нас небольшую стайку уток. Его выстрел сбил утку, которая упала от нас в трех метрах. Впечатление сложилось такое, что он просто выстрелил с руки вверх, в воздух над головой. Все это очень напоминало сцену из фильма «Тот самый Мюнхгаузен», когда барон выстрелил в дымоход камина и через некоторое время на поднос упала готовая жареная утка, политая соусом.

Нашу утку соусом не полили. Ее даже пришлось ошипывать и варить. Тем не менее, через час мы уже бодро мчались на нашей «Казанке» вверх по течению. Стало теплее. Все шло по графику. Но тут у нас «полетел» водяной насос охлаждения, и мотор стал перегреваться. Остановились его разбирать.

Запасного насоса не было. Игорь выдрал стальной вкладыш из дюралюминиевого корпуса насоса и собрал мотор по принципу «доехать хватит». Долго не могли попасть тягой реверса в отверстие в поддоне, но все-таки тронулись. Стало быстро темнеть. В тот день так и не добрались до нашего озера, осталось километров 15. Начал давить мороз. Показалось звездное небо. Снег отменялся.

Переночевали у костра. Палатку и спальные мешки с собой не взяли – ехали налегке. Утром с первыми проблесками рассвета двинулись дальше. Мотор работал нормально, и мы быстро добрались до протоки в оз. Кулпик.

В устье протоки, поперек, преграждая путь, лежал ствол лиственницы. Я это знал с лета и предусмотрительно взял с собой бензопилу «Дружба». Лиственницу тут же перепилили и стали проталкиваться в озеро. С первыми лучами солнца, протолкавшись метров 200, мы встали в истоке протоки. Все озеро было покрыто льдом. Думаю,

что этот лед образовался прошедшей ночью. Толщина льда была около 1,5 см. Вначале пытались его ломать и двигаться вперед, но быстро поняли, что это бесполезно. До места лова по озеру не доехали около километра, а в том месте, где мы остановились, молодь не держалась. Я понял, что в этом году опоздал ровно на один день.

Вернулись домой около 15 часов. На подъезде к Ушкам пошел снег. Он продолжался два дня, и только после этого я улетел из Козыревска в Петропавловск. Но полевой сезон 1977 г. все еще не был закончен: 15 октября вновь пришлось вылететь в Усть-Камчатск.

В «столицу» Усть-Камчатского района я прилетел, чтобы собрать последнюю в этом году пробу молодки нерки из р. Солдатской (для характеристики окончания сезона роста).

В оз. Нерпичье мы поехали с Виктором Николаевичем Павленко, новым лаборантом Усть-Камчатского наблюдательного пункта. Петр Васильевич затосковал по своей р. Утке и весной 1977 г. вернулся туда. Виктор до этого работал в рыболовецком колхозе «Путь Ленина» токарем.

Выехали на пунктовой лодке «Прогресс-2» с мотором «Вихрь-20». Стартер на моторе отсутствовал, запускался он с помощью веревочки, которую наматывали на маховик.

Виктор долго собирался, ему очень не хотелось ехать, т. к. он болел с похмелья. Поэтому «отчалили» после обеда. Без приключений добрались до р. Солдатской. Въехали в нее и остались ночевать в лодке под тентом. Ночью пошел дождь со снегом, на оз. Нерпичьем начало штормить. Костер не разводили т. к. на берегу не было дров и все стояло мокрым. В лодке на примусе «Шмель» сварили лапшу с тушенкой и вскипятили чай. Легли спать в спальных мешках и слушали радиостанцию «Маяк», пока не уснули. С тента в лодку стала капать вода. Вскоре тент покрылся слоем снега.

Утром вскипятили чай. Вокруг все было белым-бело. Собрали лагерь. Я велел Виктору поменять на моторе бак с бензином. Но он, как потом выяснилось, забыл это сделать. Мы подъехали к намеченной (еще в августе) тоне, покрытой 1,5-сантиметровым льдом, взломали лед, забросили невод, взяли необходимую пробу молодки нерки и направились в Усть-Камчатск. Шторм стал усиливаться.

На траверзе мыса Тонкого (это наиболее опасное место в озере) мотор заглох – закончился бензин. Нас понесло ветром в глубь озера, где выделялись волны уже с белыми гребнями. Виктор присоединил новый бак. Мотор, к счастью, запустился с первого же рывка. И лодка медленно начала подниматься на надвигающуюся на нас огромную пологую волну. В отдалении уже катили волны с белыми гребнями. Преодолевав волну, поставили на мотор колпак для защиты от брызг. Домой добрались без приключений.

Многие годы, до сих пор, у меня перед глазами стоят свинцовое небо, серая соленая вода оз. Нерпичьего и Виктор Павленко, под снегом с дождем наматывающий веревочку на маховик мотора. А если бы веревочка соскользнула и он не успел запустить мотор?.. Но это уже бы была другая история. Полевой сезон 1977 г. благополучно завершился.

В сентябре 1977 г. я специально оставил на зимовку в Ушках свою лодку «Прогресс-4», которую весной привез из города на теплоходе «Петропавловск» в Усть-Камчатск. В 1978 г. планировал уже в конце мая – начале июня начать обловы молодки нерки в пойменных озерах р. Камчатки.

В середине мая 1978 г. на самолете Як-40 я прилетел в Козыревск и в тот же день прибыл на Ушковский ЛРЗ. В последующие дни в одиночку работал в пойменных озерах, спускаясь вниз по реке. Палатку с собой не брал. Ночевал в лодке под тентом. Это большое удовольствие ночевать в лодке, зная, что ни дождь, ни снег под тентом тебя не достанут, а в головах у тебя котелок с крепким горячим чаем (в лодке жег примус) и радиоприемник ВЭФ. Уже к 1 июня добрался до Усть-Камчатска.

В 1978 г. Б. Б. Вронский определил мне новое основное место работы – Усть-Камчатский РКЗ. Сборы нерки по отдельным притокам р. Камчатки с этого года пришлось осуществлять факультативно.

На лето дали двух студентов Пермского ГУ – Андрея Николаевича Прахова и Константина Юрьевича

Непомнящего. Последний после окончания университета распределился в КоТИНРО и начал заниматься авиаучетом лососей. На этой теме он проработал до 1997 г. По ряду причин личного характера К. Ю. Непомнящий уехал с Камчатки в Пермь.

Каждые двое суток выполняли биологические анализы нерки на Усть-Камчатском РКЗ – брали по 100–150 рыбин, а трое суток ездили по окрестным озерам – Азабачье, Курсин, Нерпичье, Низовцево, Куражечное и другим. В них я вел наблюдения за сезонным ростом молоди нерки.

В период работы на Усть-Камчатском РКЗ подружился с рабочими цеха головоотсека, где делали биологические анализы лососей. Рыбу с морских ставных неводов обычно сдавали в ночное время, и мы, как правило, с 22 до 2 часов ночи находились в головоотсеке вместе с бригадой рабочих. Пока не начинали работу, вместе с ними пили чай. Алкоголь не употребляли, т. к. цех относился к разряду опасных.

Рыбу с речных рыбалок подавали в цех в утреннее и вечернее время, и проводить ее биологические анализы, естественно, было гораздо удобнее, чем с морских ставных неводов. Эту специфику лаборанты КоТИНРО уловили еще в 1950–1960-х гг. и все многолетние материалы по нерке р. Камчатки собирали в основном с плавных сетей, которые обладали большой селективностью.

В итоге, имеющиеся материалы по нерке р. Камчатки за 1957–1977 гг. не годились для межгодовых сравнений (они вообще ни на что не годились). Наш институт все эти годы по нерке р. Камчатки, можно сказать, работал впустую.

Более того, биологический анализ нерки сотрудники КоТИНРО начинали делать только с конца июня – начала июля, т. е. много дней спустя после окончания ее массового хода в р. Камчатку, который обычно приходился на 11–20 июня. Ситуация объяснялась очень просто: в Усть-Камчатке в первой половине июня еще стояли холода и теплее становилось только после 20 июня. Поэтому лаборанты и научные сотрудники КоТИНРО в Усть-Камчатку ехать не спешили. Заведующие и старшие научные сотрудники лососевой лаборатории ситуацию не контролировали. Все они были очень хорошими и душевными людьми. Но, к сожалению, хороший человек – это не профессия. В детали со сбором материалов по нерке р. Камчатки за много лет они так и не вникли. В результате получилось то, что получилось.

Начиная с 1978 г., первые 10 лет, для сравнения я брал рыбу на биологические анализы одновременно с неводов и плавных сетей. Затем, в качестве стандарта, стал использовать только сборы со ставных морских неводов. Приходилось иногда «воевать» с лаборантами, предпочитавшими работать с рыбой из сетей, а не из неводов. В конце концов, ситуацию со сбором материалов по нерке удалось выправить. Тем не менее, каждый год и по настоящее время приходится контролировать отъезд «сборщиков нерки» в Усть-Камчатку. Иначе может произойти сбой, что практически случилось в 2006 г., когда первую пробу по нерке собрали только 16 июня (на эту дату ее уже поймали более 1,5 тыс. тонн).

Но вернемся в 1978-й год. Рыба с пристани по транспортеру поступала в бункеры, а оттуда ее понемногу, через специальные окна-здвижки подавали к циркулярным ножам, отрезающим голову и прилегающую часть тела. На подаче к этим ножам с каждой стороны стояло по одному человеку. Случались и травмы.

Рыбу взвешивали между двумя бункерами на «детских» весах (для новорожденных). Везде текла вода. Первые несколько раз, в начале, было немного жутковато работать. Но потом к этому привыкаешь. 50 рыбин обычно «зарезали» за 2–2,5 часа.

Работали вдвоем: один писал, а второй резал и брал чешую. Весы обычно меняли через 1–2 сезона, т. к. они ежегодно находились в сырости с июня и по середину сентября на РКЗ и сильно ржавели. Таскать их каждый раз на себе домой было просто невозможно. За сезон на «детских» весах взвешивали более 4 тыс. рыб (на каждой особи три операции – общий вес, вес порки и гонад).

В начале августа Андрей Прахов уехал в Пермь и к нам присоединился Анатолий Ходько. На двух «Прогрессах» поехали в верхнее течение р. Камчатки. Добравшись до Ушковского ЛРЗ, заменили одну лодку «Прогресс-2» на старую лодку «Казанку» (без булей), которую нам любезно предоставил директор И. В. Котов.

При поездках по рекам «Казанка» более удобна, чем все другие лодки. Она достаточно узкая, что позволяет ей довольно легко быстро идти против течения на «Вихрях» мощностью 20–30 лошадиных сил. В «Казанке» вместе со мной ехали бочка бензина и часть нашего груза.

Для тех, кто не знает, – старую «Казанку» (без булей и с булями) не следует путать с ее новой модификацией, более вместительной «Казанкой-5», которая, скорее, похожа на катер типа «Прогресс», чем на первые модели «Казанок».

Втроем на двух лодках мы поднялись до р. Николки, облавливая мальковым неводом заливы, протоки и старицы р. Камчатки. Это оказалась очень интересная и успешная поездка, т. к. во второй половине августа уровень воды в реке упал. Обнажились большие песчаные (ниже впадения р. Быстрой-Козыревки) и галечные (выше р. Быстрой-Козыревки) косы, появилось много заливов и пересыхающих протоков. Это позволило выявить новые и уточнить старые места скопления сеголетков нерки и других видов лососей в реке.

На обратном пути останавливались в Ушках на два дня. Помылись в бане. Выпили и простились с радужным Игорем Васильевичем. В Петропавловск вернулись втроем в середине сентября. Сезон 1978 г. завершили благополучно.

Больше на Камчатке с И. В. мы не встречались. Через месяц после нашего «наезда» к нему он уехал с Камчатки в Литву. Навестил я его один раз осенью 1982 г., когда приезжал к своему отцу в Вильнюс. И. В. работал директором рыбоводного хозяйства, где выращивали форель и карпов. Его новая жена приготовила нам жареного карпа. Выпили бутылку водки. Вспомнили нашу поездку.

В 1987 г. я вновь находился в Вильнюсе у отца. Звонил И. В. Но никто трубку не поднял. Как сложилась его дальнейшая судьба, не знаю. После этого в Литву я больше не ездил.